

Colombina

Романы
о любви

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ
«КОЛОМБИНА»:

САНДРА БРАУН

Цена любви
Дом, в котором нет тебя
Мужские капризы
Жепские фантазии
Сладкая боль
Пламя страсти
Свадебный вснок
От ненависти до любви
Ну и штучка!
Тайный брак
Роза прерий
Сопротивление бесполезно

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Цвсток счастья
У алтаря
Эгоист
Строптивная невеста
Влюбленная американка
Любовь дерзкого мальчишки

ДАНИЭЛА СТИЛ

Что было, что будет...
Возраст любви
Французские каникулы
Большая дсвочка
Голос сердца
Безудержная страсть
Провсрка разлукой
Хочу «Оскар»!

ЭЛИЗАБЕТ ВЕРНЕР

Родовое
поместье

МОСКВА
2016

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
В35

Elisabeth Werner
SANKT MICHAEL

Перевод с немецкого *В. Кудряшова*
Художественное оформление *С. Власова*

Вернер, Элизабет.
В35 Родовое поместье / Элизабет Вернер ; [пер. с нем. В. И. Кудряшова]. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 416 с. — (Colombina. Серия бестселлеров о любви).

ISBN 978-5-699-87557-3

Когда Луиза выходит замуж против воли родителей, отец отрекается от нее и будущего внука. Но спустя годы повзрослевший Михаил становится полной копией деда. Мальчик решает доказать свое право на фамилию, ведь от этого зависит его личное счастье. Он готов на любые испытания ради любви юной красавицы Герты, чья рука уже обещана другому.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Кудряшов В.И.,
перевод на русский язык, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87557-3

❁ Глава 1 ❁

Наступила Пасха — праздник света и пробуждения природы. Зима уходила, укутавшись в туманный плащ, и на облаках, быстро несущихся по небу, приближалась весна. Она выслала вперед вестников — бури, которые должны были пробудить землю от долгого сна. Ветры завывали в лесах и долинах, расправив крылья над вершинами огромных гор и взбаламучивая моря до самого дна. Бушуя повсюду, они завывали победным кличем. Ведь это были весенние ветры. Глашатаи возрождающейся жизни. В них кипела жизнь.

Но горы оставались еще наполовину погребенными под снегом, а старый замок на горе, нависшей над долиной, вздымал свои крыши из-за осыпанных снегом елей, словно руки, взывая о милости небес. Замок был одним из тех горных гнездышек, из которых в прошлом феодалы повелевали всей округой. Теперь же такие места по большей части стали царством запустения и забвения. Нередко о былом величии их господ могли рассказать лишь развалины. Впрочем, это как раз не относилось к нашему замку, так как графы фон Штейнрюк заботливо охраняли от

разрушения колыбель своих предков. В остальном они, однако, мало заботились о старых стенах, вздымающихся в горах, вдали от всего света. Только в охотничий сезон замок заполняла шумная толпа гостей, вносивших жизнь в угрюмые стены.

На этот раз гости в виде исключения съехались уже весной, но собрались они ради грустного события. Хозяин замка умер, и вместе с ним угасла младшая линия рода, по крайней мере в мужских представителях, ибо после покойного остались вдова и дочь. Граф Штейнрюк умер в другом имении, где жил постоянно и где состоялось торжественное отпевание. Затем тело его отвезли в родовой замок, чтобы похоронить там, в полной тишине и в присутствии самых близких родственников, в фамильном склепе.

Был пасмурный мартовский день, и небо над долиной сплошь затянули серые тяжелые тучи. Хмурый свет падал в комнату, в которой обыкновенно жил владелец замка, приезжая на охоту. Это обширное, довольно низкое помещение освещалось единственным большим окном-фонарем. Обстановка комнаты говорила о былой роскоши замка. Темная деревянная облицовка стен, массивные дубовые двери и гигантский камин с колоннами и гербами Штейнрюков уже целые столетия удерживали за собой место, да и тяжелая старомодная мебель и фамильные портреты тоже принадлежали далекому прошлому. Огонь, пылавший в камине, не мог придать уют этому мрачному помещению, но зато здесь чувствовалась сама история, история старого, могуще-

ственного рода, судьбы которого были издавна тесно связаны с судьбой его страны.

Раскрылась дверь, и в комнату вошли два господина, по-видимому, родственники почившего, поскольку на мундире одного и на фраке другого виднелись знаки траура. Действительно, они пришли прямо с похорон, и на лице старшего еще как будто лежала тень, отражение печальной церемонии.

— Завещание будет вскрыто завтра, — сказал он. — Разумеется, это только проформа, так как все распоряжения мне известны. Графине завещаны большой вдовый капитал и замок Беркгейм, где она теперь живет, все же остальные владения становятся собственностью Герты, опекуном которой назначен я. Затем идут другие распоряжения, и мне, как главе старшей линии, завещан Штейнрюк.

Младший из собеседников пожал плечами при последних словах и сказал:

— Какое колоссальное состояние переходит в руки этого ребенка! Ну а твое наследство неблестяще, отец, мне кажется, что старое горное гнездо приносит дохода не больше, чем требует расходов!

— Что же из того? Ведь Штейнрюк — наш родовой замок и вновь переходит в наши руки. Покойный двоюродный брат не мог сделать мне лучшего дара, и я очень признателен ему. Ну а ты хочешь завтра уже уехать, Альбрехт?

— Я отпросился всего на несколько дней, но если ты хочешь, то...

— Нет, нет, тебе совершенно ни к чему оставаться. Мне-то, во всяком случае, придется хлопотать о продлении отпуска. Надо еще о многом поговорить и многое упорядочить, а графиня во всех отношениях настолько несамостоятельна, что мне волей-неволей придется некоторое время остаться около нее.

Он посмотрел на туманный горный ландшафт. Граф уже перешагнул через средний возраст, но вся его фигура выражала мощную, ненадломленную силу, а повелительная осанка в каждом движении выдавала военного. Когда-то он, наверное, был очень красив, что было видно и теперь, на пороге старости. Его волосы только чуть тронула седина, а быстрые, энергичные движения и звучный голос, равно как и огонь, сверкавший во взоре, придавали ему юношеский вид.

Сын, поразительно похожий на отца, был в то же время полной его противоположностью: у него были те же черты, но им не хватало здоровья и силы, которыми дышал старый граф. Молодой человек казался очень болезненным.

— Графиня вообще производит впечатление беспомощного существа, — сказал он, — и это прискорбное событие привело ее к полной растерянности.

— Ну, не так-то легко потерять супруга во цвете лет после недолгой болезни. Такой удар способен совершенно растоптать нежную натуру.

— Другая выдержала бы его! Луиза сумела бы встретить неотвратимое с полным присутствием духа!

— Молчи! — мрачно перебил его граф, отворачиваясь.

— Прости, отец, я знаю, что ты не хочешь вспоминать об этом, но как раз сегодня воспоминания являются слишком живо... Луиза едва ли удовольствовалась бы вдовой участью, Штейнрюк непременно сделал бы ее полной госпожой над всем имуществом: ведь уже в то время он был в полном подчинении у нее. И отвергнуть его руку, пожертвовать именем, родиной, семьей ради того, чтобы стать женой искателя приключений, который загубил ее! Нет, в самом деле можно поверить в старую сказку о любовном напитке, потому что естественными причинами этого не объяснишь!

— Глупости! — холодно отрезал граф. — Судьба человека — в его собственных руках: Луиза направила свою судьбу к пропасти, и было вполне естественно, что она рухнула туда!

— И наверное, ты, несмотря ни на что, принял бы погибшую, если бы она вернулась с раскаянием?

— Никогда! — возразил граф с непреклонной суровостью. — Кроме того, Луиза никогда не вернулась бы. Она могла погибнуть в позоре, в заслуженной нищете, но вымалывать пощаду у отца, который отверг ее, она не могла и не стала. Несмотря ни на что, она была моей дочерью.

— И любимицей тоже! — подсказал Альбрехт с явной горечью. — Мне столько раз давали понять, столько раз повторяли, что у меня нет ни одной черты твоего характера. Только

Луиза унаследовала твою кровь; эта красавица, умница, энергичная Луиза была твоей гордостью и счастьем. Ну, мы уже знаем теперь, куда завела ее эта хваленая энергия! Падая все ниже и ниже...

— Твоя сестра умерла! — резко перебил его граф. — Оставь мертвых в покое!

Альбрехт замолчал, но горечь не исчезла с его лица, видимо, он не мог простить сестре, даже покойной, то, что она сделала своей семье. Но до дальнейших объяснений дело не дошло, так как вошел лакей и доложил:

— Его высокопреподобие настоятель прихода архистратига Михаила!

Должно быть, священник знал, что его ждут, так как, не дожидаясь ответа, сейчас же вошел в комнату. Это был мужчина лет пятидесяти. Совершенно седые волосы, лицо и голубые глаза, полные мира и доброжелательства, осанка и речь — все выражало серьезную кротость, которая казалась неразлучной с существом священника.

Граф Штейнрюк сделал несколько шагов ему навстречу и вежливо, хотя и холодно, поклонился. Старшая линия Штейнрюков держалась протестантства, и католический священник не имел значения для нее.

— Прежде всего я должен высказать свою благодарность вашему высокопреподобию, — начал граф, движением руки приглашая священника сесть. — Графиня-вдова решительно пожелала, чтобы вы руководили сегодняшней печальной церемонией, и в эти тяжелые дни вы

так самоотверженно поддерживали ее, что все мы очень благодарны вам!

— Я лишь исполнил свой долг пастыря душ, — спокойно ответил священник. — За это не требуется благодарности. К вам же, граф, я пришел по другому делу.

Быть может, по вашему мнению, я не имею права касаться того, чего хочу коснуться, но я должен воспользоваться вашим случайным пребыванием здесь и прошу разрешения переговорить с вами.

— Повторяю, я вполне к вашим услугам, отец Валентин. Если разговор должен быть секретным, то мой сын сейчас же...

— Нет, пусть молодой граф остается, — поспешил ответить отец Валентин. — Все равно ему известно обстоятельство, которое привело меня сюда. Дело касается питомца лесника Вольфрама.

Он остановился, словно ожидая ответа, но его не последовало. Граф сидел с невозмутимым лицом, тогда как Альбрехт вдруг проявил живое внимание. Но так как и он тоже ничего не сказал, священник был вынужден продолжать.

— Соблаговолите вспомнить, граф, что это от меня вы получили просьбу принять участие в мальчике!

— Да, и я счел выполнение просьбы неотложным. Вольфрам взял по моему приказанию ребенка, и я ведь известил вас об этом.

— Совершенно верно. Хотя я и предпочел бы видеть мальчика в других руках, но решающий голос принадлежал вам. Ну а теперь маль-

чик вырос и не может долее жить в подобной обстановке. К тому же я убежден, что это ни в коем случае не входит в ваши планы.

— А почему бы и нет? — холодно спросил Штейнрюк. — Я считаю Вольфрама очень надежным человеком и имел достаточно оснований выбрать именно его. Или вы можете сказать что-нибудь дурное о нем?

— Нет, в своем роде он честный человек, но груб и одичал в одиночестве. Со времени смерти жены Вольфрам почти не соприкасается с людьми, и у него в доме не лучше, чем у простого мужика. Это — едва ли подходящая обстановка для подрастающего мальчика и уж никак не подходящая для внука графа Штейнрюка.

Альбрехт, стоявший за стулом отца, сделал движение, а старый граф мрачно сдвинул брови и резко ответил:

— У меня только один внук, а именно сын графа Альбрехта, и я попрошу ваше высокопреподобие иметь это в виду, когда речь идет об указанном обстоятельстве!

Кроткие глаза священника строго и серьезно уставились на говорящего.

— Простите, ваше сиятельство, но законный сын вашей дочери имеет полное право называться так.

— Может быть. Но как внук он для меня не существует, потому что брак моей дочери никогда не существовал для всех моих.

— И все-таки вы удовлетворили мою просьбу, когда Михаил...

— Михаил? — переспросил граф, выказывая крайнее изумление.

— Так зовут мальчика. Вы этого не знали?

— Нет. Ведь я вообще не видел ребенка, когда он был передан Вольфраму на воспитание.

— О воспитании не может быть и речи, когда говоришь о человеке такого сорта, и это очень жаль, так как именно в этом отношении следовало многое сделать. Еще будучи ребенком, Михаил совершенно одичал вследствие скитальческой жизни, которую он долго вел с родителями. Естественно, я принял в нем участие и занимался с ним, насколько позволяло далекое расстояние до лесничества.

— Вы в самом деле делали это? — воскликнул граф, и в его вопросе чувствовалось явное недовольство.

— Конечно! Ведь при таких обстоятельствах мальчик не мог иначе получить образование, а я никак не мог согласиться с мыслью, что ребенок должен умственно одичать и оужичиться. Это было бы слишком жестоким наказанием за грехи родителей!

В этих простых словах звучал тяжелый упрек, и он, очевидно, достиг цели, потому что на лице Штейнрюка сверкнула вспышка гнева, и он воскликнул:

— Ваше высокопреподобие, какого бы мнения вы ни держались о наших семейных обстоятельствах, вы судите как посторонний, и потому кое-что может показаться вам жестоким и непонятным. В качестве главы семьи я должен блюсти честь нашего имени, и кто затронет или

опорочит эту честь, тот будет выброшен из моего дома и сердца, будь то хоть мое собственное дитя! Я сделал то, что должен был сделать, и если бы еще раз был поставлен в тяжелую необходимость, поступил бы опять совершенно так же!

В словах графа звучала стальная решимость. Отец Валентин промолчал, он понимал, что такие натуры не сгибаются перед пасторским словом.

— Графиня Луиза покоится с миром, а с нею и человек, с которым она была обвенчана! — сказал он наконец. — Ее сын остался одиноким и беззащитным. И вот я пришел, чтобы попросить вас о том, о чем можно просить за всякого чужого сироту, то есть о воспитании, которое поможет ему вступить со временем в жизнь. Если он останется в руках Вольфрама, то это совершенно исключено — тогда он будет годиться разве что на полудикое существование в каком-нибудь дальнем горном лесничестве. Если вы, ваше сиятельство, хотите и можете взять на себя ответственность за...

— Довольно! — перебил его Штейнрюк, вставая с места. — Я взвешу все это и потом решу что-либо относительно вашего протеже. Положитесь на меня, ваше высокопреподобие!

Священник тоже встал; он видел, что разговор окончен, и не имел ни малейшего желания продолжать его.

— Мой протеже? — повторил он. — Пусть он станет и вашим тоже, граф, мне кажется, он имеет право на это! — И с коротким, сухим поклоном он вышел из комнаты.

— Что за странный визит! — сказал Альбрехт, который во все время разговора не раскрывал рта. — Что же дает этому попу право вмешиваться в наши семейные дела?

Штейнрюк пожал плечами.

— Прежде он был духовником наших родственников и до сих пор занимает у них положение доверенного лица, хотя и живет в отдаленной альпийской деревушке. Только он, и никто другой, должен был проводить Штейнрюка в могилу. Но я покажу ему, что на меня не действует поповское влияние. Я не мог не принять его, как не мог и отказать ему, когда он воззвал о помощи для сироты!

— Ну да, о мальчике надо было позаботиться, и это сделано, — холодно ответил Альбрехт. — Ты тогда взял все дело в свои руки, отец, этот Вольфрам... Я помню его по имени. Ведь он был у тебя егерем?

— Да, я просил за него, и Штейнрюк дал ему место лесника. Он молчалив и надежен и вообще нисколько не заботится о вещах, которые выходят за пределы его кругозора. Он и в то время не спрашивал, какое отношение имеем мы к этому мальчику, а просто исполнил то, что ему было приказано, и принял его к себе в дом.

— И там он, во всяком случае, оказался в хороших руках. Ты, конечно, не собираешься изменять тут что-либо?

— Смотря по обстоятельствам. Сначала я должен повидать его.

На лице Альбрехта отразилось неприятное изумление.